очевидно, прославляемого великого князя, переходит в слабо связанные с предыдущим текстом мысли: „Бог двоиства не имееть, душам троиства, ни едина тела сам приобщается, не текуща четворства чювствиа вне пятьства устремленіа сугубаго не постражает, шестьство имееть честьство лучьшю семство. Быша 3 дщери у пиавици света сего: тщеславие, сребролюбие неправаго богатства, пьянства несытное, исполнь блуда". Отсюда следует похвала добродетелям Дмитрия, его супружеской жизни, которая заключается выводом: „въ всю землю изыде слава его и в конца вселеныа величество его". На этом оканчивается запутанная средняя часть похвалы. Остальное построено по обычной гимнографической формуле: „Кому приподоблю великого сего князя..", которая переходит в сравнение с знаменитыми просветителями: „Хвалит убо земля Римская..." Похвала заканчивается молитвой к великому князю, как к святому, „о роде своем и за вся люди", потому что он уже находится там, „идеже духовных отець паствины и вечное насыщение"; автор перечисляет всех праведников, находящихся с Дмитрием в этих „паствинах".

Источники этой похвалы разнообразны, но среди них есть и те, которые использованы уже в первой части „Слова о житии". Так, в похвале есть несомненный отголосок Летописной повести, правда — не ее исторических эпизодов. Гиперболическое описание горя автора в начале похвалы представляет сокращение плача побежденного Мамая в Летописной повести, где этот эпизод не самостоятелен: это одно из заимствований, сделанных автором Летописной повести из довольно неожиданного источника — из апокрифического „Слова на Рождество Христово о пришествии волхвов" (см. И. Порфирьев. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. СПб., 1890, стр. 157—163).[1]

[1] Привожу сопоставление Летописной повести с этим ее литературным источником.

Летописная повесть	Слово на Рождество
плач горек и *глас* и ридание и *слышано бысть, сиречь высокыих. Рахиль* же есть дыхание крепко, *плачющися чад своих* и великим рыданиемь, въздыханиемь, *не хотя утешитися, зане* пошли с великим князем за всю землю Русскую на остраа копьа. *Да кто* уже *не плачется жен онех рыданиа и горкаго их плача. Зряще* убо *их, каяждо к собе глаголаше: увы мне,* убогаа *наша чада: уне бы нам было, аще бы ся есте не родили, да сиа злострастныя и горкиа печали вашего убииства, не подняли быхом; почто быхом повинне пагубе вашеи!*	бысть *плач горек* в Вифлеоме... *Глас* в Раме *слышан бысть, сиречь* в *высокыих. Рахиль плачющися чад своих и не хотяще утешитися... зане* не бе их. *Да кто* убо *не плачется жен онех рыданиа, горькаго их плача зрящи... кояждо* бо *их в себе глаголаху: увы мне, увы мне,* избитаа *наша чадца! Уне бы нам было, аще бы ся есте не родили, да сея злострастьныя горькыя печали вашего убийства не подъяли быхом. Почто быхом повинни, вашеи пагубе?*
Мамай *же слышав* приход княжь к Дону и сеченыа свои видев, *и възъярився зраком и смутися умом и распалився лютою яростию, аки аспида некаа, гневом дышюще...*	Ирод *же слышав* глаголюща от волхвов *уярився зраком и смутися умом...*
[Дмитрий] рече: что есть великое свирепьство Мамаево? *аки некаа ехидна прискающе, пришедше от некиа пустыни, пожрети ны хощеть..*	*распалився лютою яростию и наполнився яко аспида некаа гневом дышущи* [из плача матерей] или неции звери бы быша нам яро дышюще, *яко некыя ехидна пыскающий, исшедши от некыя пустыня и пожрели ны* быша..
И рече к себе Мамай: *„власи* наши *растерзаются, очи* наши *не могут огненых слез истачати, языци* наши *связаются, и гортань ми присыхает, и сердце раставаеть, чресла ми растерзаются, колени ми изнемогают, а руце очипени-*	Каяждо би их *к себе глаголаше:* О горе ми, горе ми, *власи* ми *растерзаются, очи* ми *не могоста огненых слез истачати, язык* ми *связается, гортань ми пресыхает, сердце* ми *раставается, чресла ми потресаются, колени ми изнемогають,*